

Мария Коваленко



АРХИТЕКТОР
ЛЮБВИ

Мария Коваленко
Архитектор любви

«Автор»

2026

Коваленко М.

Архитектор любви / М. Коваленко — «Автор», 2026

Она – гениальный архитектор-реставратор, который умеет возвращать к жизни старые дома, но давно похоронила собственную способность любить. После предательства мужа Анна поклялась: никаких чувств, только работа. Он – бывший военный инженер, основатель благотворительного фонда. Максим привык всё контролировать и строить, но до сих пор не может простить себе гибель брата. Их сводит старинный особняк, который предстоит спасти от забвения. Но в его стенах скрыто нечто большее, чем вековая пыль. Однажды рабочие находят замурованную шкатулку. Внутри – пожелтевшие письма архитектора, который сто лет назад строил этот дом для своей невесты и исчез на войне. Она ждала его сорок три года. Знала ли она правду? И почему шкатулка оказалась в стене? Разгадывая чужую тайну, Анна и Максим сами попадают в ловушку. Смогут ли они построить свою любовь на руинах прошлого? Или шкатулка хранит не только надежду, но и проклятие?

© Коваленко М., 2026

© Автор, 2026

Мария Коваленко

Архитектор любви

ПРОЛОГ

Октябрь 1920 года.

Последнее письмо он писал при свете керосиновой лампы, которая отчаянно коптила, словно знала, что будет дальше.

Андрей Ковалевский сидел на холодном полу разрушенного вокзала, прижимая к груди походную планшетку. Бумага промерзла, чернила густели, и буквы ложились тяжело, будто каждый слог давался ему ценой нечеловеческих усилий.

«Люба, милая...»

Он остановился. Снаружи где-то далеко ухали орудия. Фронт катился, но не туда, куда обещали. Не на запад, как говорили в штабе еще месяц назад. А на восток. Отступали. Снова.

Андрей посмотрел на свои руки. Руки архитектора, который когда-то чертил изящные линии будущих домов, – теперь они были в пыли, в саже, в чужой крови, которую не смыть снегом. Он построил в своей жизни только один настоящий дом. Тот самый. На Михайловской, семь. С башней, с витражом, с той самой лестницей, где Люба любила сидеть по вечерам, положив голову ему на плечо.

Они должны были пожениться в мае. Двадцатого года. Но в мае его призвали. Сказали – на месяц. Месяц растянулся в полгода, полгода – в бесконечность.

«Когда отцветут яблони, я вернусь», – написал он ей тогда, в прощальной записке, которую сунул под дверь, потому что не смог смотреть в её глаза.

Андрей отложил перо и потянулся за платком. Вместо платка из кармана шинели выскользнула маленькая фотография. Люба. В том самом доме, на фоне еще недоделанного витража. Она улыбалась, щурясь от солнца, и держала в руках ветку мимозы.

Он прижал фотографию к губам, чувствуя, как подступает то самое – то, что он запретил себе ещё летом. Когда хоронили его друга, который тоже строил дом, и тоже обещал вернуться к жене.

«Люба, милая. Я не знаю, когда закончится эта война. Я не знаю, увижу ли я снова наш дом. Но если это письмо дойдет до тебя – знай: яблони цвели. Я видел их издалека. Они были пыльные, пожухлые, но они цвели. И я подумал о тебе. О том, как ты сидишь на лестнице. О том, как смеешься, когда я рассказываю про свои чертежи. О том, что ты – единственное, что я построил по-настоящему. Всё остальное – песок и вода. Пусть ты строишь свою жизнь дальше. Пусть не ждешь меня слишком долго. Но помни: любовь остается в камне, даже когда человека уже нет. Если я не вернусь – иди к дому. Он выстоит. Он помнит всё. Твой Андрей».

Он сложил письмо втрое, потом еще раз, и сунул его в щель между кирпичами в стене вокзала. Потому что отправить было не с кем. Потому что он уже давно понял: почта не работает, а тащить письмо с собой – значит, потерять его. А терять последние слова, обращенные к ней, он не имел права.

Потом была атака. Потом – тишина.

А письмо осталось лежать в стене, ждать, когда через сто с лишним лет его найдут чужие руки, прочтут чужие глаза, и двое людей, не знакомых с той войной, не знавших тех имен, вдруг поймут: любовь умеет ждать. Но только если ей позволить.

Глава 1. Проект мечты

Анна Соколова ненавидела слово «дизайн».

Она была архитектором-реставратором, и в её мире не существовало «креативных решений», «стилевых коллабораций» и прочей лексики, которой сыпали молодые декораторы с их планшетами и бесконечными чашками латте.

Был кирпич. Был раствор, который она могла определить на вкус, как сомелье определяет выдержку вина. Была кладка – глагольная, тычковая, ложечная, – каждый способ укладки кирпича рассказывал ей историю громче любого архива. Были трещины, которые надо было не замазать, а понять: отчего они пошли? От времени? От осадки фундамента? От войны?

Анна любила войну. Не в том смысле, в каком её любили безумцы. А в том, что война оставляла на зданиях следы – честные, невыдуманные. Осколочные вмятины, следы от пуль на штукатурке, кладка, заново выведенная после пожара. Это был диалог со временем, который не терпел фальши.

Она стояла сейчас посреди холла особняка на Михайловской, семь, и чувствовала, как у неё кружится голова. Не от слабости – от восторга.

Дом был прекрасен. Даже в своём запустении.

Потолки – четыре с половиной метра. Лепнина, которую три советских ремонта пытались замазать слоями масляной краски, но она пробивалась сквозь всё, как корни сквозь асфальт. Парадная лестница из морёного дуба – скрипучая, но не сгнившая, чудом сохранившая перила с чугунным литъём. И витраж.

Анна подошла ближе, стараясь дышать ровно.

Витраж занимал всю восточную стену холла – от пола до потолка. Центральная секция изображала древо, корни которого уходили в землю, а ветви поднимались к куполообразному завершению. В ветвях – птицы, которых Анна не могла разобрать с первого взгляда. То ли журавли, то ли соколы. Стекло было мутным, покрытым вековой пылью, но даже сквозь этот слой проглядывала игра цвета: изумрудный, янтарный, глубокий синий, какой бывает только на иконах.

– Нравится?

Голос раздался со стороны входа, и Анна вздрогнула.

Она обернулась. В дверях стоял мужчина. Высокий, в тёмном пальто, с которым он явно не собирался расставаться, хотя в холле было градусов десять. Лицо – резкое, скулистое, с глубокой вертикальной морщиной между бровями, которая делала его взгляд постоянно сосредоточенным, почти хмурым. Короткие тёмные волосы, седина на висках – не возрастная, скорее от постоянного напряжения. Он смотрел на неё не как заказчик, оценивающий исполнителя, а как хирург, который уже поставил диагноз и ждёт, его подтверждения.

– Это витраж, – ответила Анна, выдерживая паузу. – А не «нравится».

Он чуть приподнял бровь. В этом движении было что-то опасное, как в закипающей, но ещё не закипевшей воде.

– Витраж, – повторил он, словно пробуя слово на вкус. – Хорошо. Витраж. Сколько времени займёт его реставрация?

– Смотря что вы хотите.

– Я хочу, чтобы он не выпал на голову первому посетителю.

Анна шагнула к витражу, присела, внимательно осмотрела свинцовые перемычки в нижней части.

– Свинец окислился, но не осыпается. Года три он ещё продержится. Потом начнёт деформироваться под собственным весом. Если мы начнём сейчас – четыре месяца. Если ждать – потом придётся разбирать полностью, и это будет уже не реставрация, а реконструкция.

– Я не люблю ждать.

– Я заметила.

Она поднялась и наконец посмотрела на него в полный рост. Он был выше её на голову. Анна привыкла к этому – мужчины редко бывали ниже, но этот смотрел на неё не сверху вниз, а как-то... в упор. Будто она была чертежом, который он пытался прочесть.

– Максим Бережной, – представился он, хотя она уже знала. Фонд «Возрождение», благотворительный проект для ветеранов, культурный центр в историческом здании – все это она вычитала в контракте, который подписала неделю назад.

– Анна Соколова.

– Я знаю, – сказал он. – Ваше бюро рекомендовали. Сказали, что вы лучшая.

– В реставрации, – уточнила Анна. – Не в строительстве.

– Разница?

– Принципиальная. Строитель сносит и строит заново. Реставратор сохраняет и восстанавливает. Если вы хотите сделать здесь евроремонт с натяжными потолками и гипсокартоном – вы ошиблись адресом.

Максим молчал несколько секунд. Анна чувствовала, как он её разглядывает, и это её раздражало. Она привыкла, что заказчики сначала смотрят на её возраст (тридцать, но выглядит на двадцать пять), потом на её пол (женщина в строительстве – редкий зверь) и только потом – на её портфолио.

– Я не собираюсь сносить, – сказал он наконец. – Я собираюсь открыть здесь центр. Для людей, которые прошли войну. Им нужно не кафе с вайфаем. Им нужно место, где они могут... – он запнулся, подбирая слово. – Дышать.

Это «дышать» прозвучало так, что Анна невольно смягчилась. Она знала, что фонд Бережного работает с ветеранами СВО, что он сам – бывший военный инженер, что его брат погиб на войне. Всё это она читала в досье, которое составила перед подписанием контракта. Она всегда составляла досье на заказчиков. Это был её способ контролировать хаос.

– Я составлю план работ, – сказала Анна сухо, возвращаясь в профессиональное русло. – Через три дня пришлю смету. Реставрация витража – отдельной строкой. Если вы решите её отложить, я должна буду внести изменения в проект укрепления восточной стены. Витраж – часть несущей конструкции, он держит свод.

– Я не буду откладывать.

– Тогда не задавайте вопросов о сроках. Я не люблю, когда меня торопят.

Максим усмехнулся. Коротко, одними уголками губ, и эта усмешка не была дружелюбной. Она была – оценивающей.

– Вы всегда так разговариваете с заказчиками?

– Только с теми, кто смотрит на меня так, будто я продаю подержанные автомобили.

Он не ответил. Развернулся и вышел так же внезапно, как появился. Анна осталась стоять посреди холла, чувствуя, как колотится сердце. Она не понимала – от злости или от чего-то другого, чему она не хотела давать имя.

Анна давно научилась не путать профессиональное возбуждение с личным. Когда она работала с домом Иваневского, её сердце билось так же часто. Когда она восстанавливала флигель усадьбы Савиных – тоже. Это просто адреналин, говорила она себе. Это любовь к архитектуре. Не более.

Она достала из сумки блокнот и карандаш, прошла по периметру холла, делая первые наброски. Карандаш летал по бумаге, фиксируя пропорции, выявляя проблемные зоны. Работа успокаивала. Работа была единственным, что никогда её не предавало.

Через час она уже забыла о человеке в тёмном пальто. Остался только дом.

Дом, который что-то шептал ей стенами. Дом, который пах вековой пылью, старой штукатуркой и, кажется, чем-то ещё. Чем-то неуловимым, чего она не могла описать. Может быть, надеждой.

Глава 2. Внутренний каркас

Через три дня Анна приехала на объект с бригадой.

Бригада была её гордостью. Четверо мужчин, которых она подбирала годами, как лекционер подбирает картины: не за скорость работы, а за руки. Узкие специалисты, каждый – фанатик в своём деле. Лёня-штукатур, который мог восстановить лепнину по одному сохранившемуся фрагменту, чувствуя профиль кончиками пальцев. Степанов-младший – плотник-столяр, наследник династии, которая работала с дубом четыре поколения. И двое подсобников – молчаливые, надёжные, которых Анна переманила из другой компании, заплатив им вдвое больше, чем они получали.

Анна не любила бригады. Слово отдавало казармой, стройкой, мужиками в майках. Она называла их «командой».

– Так, Лёнь, начинаем с малого зала. Там лепнина в аварийном состоянии, но я хочу попробовать сохранить оригинал, – Анна развернула план на капоте своего «Форда». – Степанов, с тобой отдельный разговор по лестнице. Ступени скрипят не потому, что сгнили, а потому, что кто-то в семидесятых пытался их укрепить цементом. Цемент высох, сжался, и теперь они болтаются. Нам надо...

– Знаю, – перебил Степанов, разглядывая свои крупные, испачканные в масле ладони. – Дуб рассохся по краям, цемент снять, нарастить вкладышами из свежего дуба, подогнать по месту. Недели две.

– Десять дней.

– Анна Сергеевна, дуб капризный. Если потороплюсь, через год поведёт.

– Хорошо, двенадцать. Но не больше.

Степанов кивнул. Он знал: если Анна говорит «двенадцать», значит, можно делать десять, но сказать, что сделал за двенадцать, чтобы она не думала, что он схалтурил.

Они уже расходились по объекту, когда у ворот остановился чёрный джип. Максим Бережной вышел из машины – сегодня без пальто, в тёмном пуховике, но так же собранный, жёсткий, как и в прошлый раз. За ним – двое: мужчина лет сорока в деловом костюме, явно из его фонда, и парень с планшетом, похожий на стажёра.

– Анна Сергеевна, – Максим подошёл, не здороваясь за руку. – Хочу представить Олега Васильевича, наш финансовый директор. Он будет курировать бюджет проекта.

– Доброе утро, – кивнула Анна, убирая план. – Олег Васильевич, я пришлю детализированную смету сегодня к вечеру.

– Я бы хотел взглянуть на неё до того, как вы начнёте работы, – сказал финансовый директор с хорошо поставленным голосом чиновника. – У нас утверждённый бюджет, и любые отклонения...

– Отклонения неизбежны, – отрезала Анна. – Это реставрация, а не новострой. Мы не знаем, что найдём под слоями штукатурки. Могу гарантировать одно: если я что-то предлагаю, это необходимо. Я не делаю лишних движений.

Олег Васильевич посмотрел на Максима. Тот стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за перепалкой с отстранённым интересом.

– Анна Сергеевна имеет опыт работы с объектами культурного наследия, – сказал он наконец. – Я доверяю её оценке.

Анна удивилась. Не тому, что он сказал – а тому, как сказал. Спокойно, без заискивания перед финансистом, без попытки показать, кто здесь главный. Просто констатировал факт.

– Я подготовлю детальный отчёт по каждому этапу, – добавила она, чуть смягчив тон. – Если будут вопросы – отвечу.

Олег Васильевич кивнул и отошёл к машине, уводя с собой стажёра. Максим остался.

– Вы вчера прислали план укрепления восточной стены, – сказал он. – Я его посмотрел.

– И?

– И не понял одного. Почему вы предлагаете стальные стяжки вместо того, чтобы просто залить бетоном? Дешевле и быстрее.

Анна почувствовала, как внутри неё что-то щёлкает. Раздражение. Профессиональное.

– Потому что бетон – это монолит. Он не дышит. Стена из исторического кирпича, если её залить бетоном, начнёт накапливать влагу на границе сред. Через пять-семь лет кирпич начнёт крошиться изнутри. Стальные стяжки – это каркас. Они фиксируют геометрию, но не убивают структуру стены. Это называется «щадящая реставрация». Если вам нужна дешёвая и быстрая – наймите другого архитектора.

Она сказала это и тут же мысленно себя одёрнула. Зачем она провоцирует его? Зачем бросает вызов? Это не профессионально.

Но Максим не рассердился. Он смотрел на неё тем же тяжёлым, изучающим взглядом, и в этом взгляде вдруг промелькнуло что-то новое. Не интерес даже. Узнавание.

– Мой брат был такой же, – сказал он тихо.

Анна замерла.

– Какой?

– Фанатичный. Он служил в инженерных войсках. Когда строил мост, мог сутками не спать, проверяя каждое соединение. Говорил: «Мост должен выдержать танк, а не только пехоту». Я тогда не понимал.

Он замолчал. Анна не знала, что сказать. В досье было написано: брат погиб в 2015-м под Дебальцево. Но досье – это бумага. А голос, которым Максим произнёс эти слова, был живым, и в нём было столько боли, что Анна на мгновение забыла о своей профессиональной броне.

– Стяжки, – сказал Максим, возвращаясь к делу. – Стальные. Сколько времени?

– Три недели. Плюс неделя на адаптацию, чтобы проверить, как ведёт себя кладка после фиксации.

– Делайте.

Он развернулся и пошёл к джипу. Анна смотрела ему вслед, чувствуя странную пустоту в груди. Ей хотелось что-то добавить. Спросить о брате. Сказать, что она понимает. Но она не сказала.

Анна не умела говорить такие вещи. Она умела работать. Она умела сохранять. Она умела делать так, чтобы старые стены не рушились. А всё остальное – чувства, разговоры, попытки быть ближе – это было за пределами её компетенции.

Она достала блокнот и записала: «Стяжки – утверждены. Начать в понедельник». Почерк был ровным, деловым, без единого завитка.

В её жизни не было места завиткам. Только прямые линии. Только расчёты. Только работа.

Так она думала.

Глава 3. Шкатулка

Всё случилось на пятый день работ.

Анна приехала раньше обычного – в семь утра, когда бригада ещё не собралась. Ей нравилось бывать в доме одной. В тишине. Без звуков перфораторов и разговоров. Так дом разговаривал с ней иначе – не перебивая, не торопясь.

Она обошла первый этаж, проверяя, как Лёня снял штукатурку в малом зале. Работа была сделана чисто: под слоями советской отделки проступил оригинальный кирпич – тёмно-красный, с характерной для конца XIX века отливкой. Анна провела пальцем по кладке, ощущая шершавость и тепло. Кирпич был тёплым. Даже в пустом, неотапливаемом доме он сохранял температуру живого тела.

Она поднялась на второй этаж, где планировалась библиотека. Здесь было темно: окна выходили во двор, и утренний свет едва пробивался сквозь грязные стёкла. Анна включила фонарик на телефоне.

Стена, которую предстояло разобрать, была странной. Анна заметила это ещё при первом осмотре, но тогда списала на позднюю перестройку. Теперь, глядя вблизи, она поняла: кладка здесь была другой. Не той, что в остальном доме. Кирпич более старый, с выщерблинами, и сложен он был не в перевязку, как обычно, а каким-то кустарным способом. Как будто кто-то заложил проём – или замуровал что-то.

– Лёня, – позвала Анна, хотя знала, что тот ещё не приехал. Голос прозвучал глухо в пустой комнате.

Она постучала по стене костяшками. Звук был глухой, ровный – кирпич. Но в одном месте, ближе к полу, он звучал чуть иначе. Более пусто, что ли.

Анна присела на корточки, провела рукой по стыкам. Один кирпич сидел неплотно – между ним и соседним была щель, в которую можно было просунуть палец. Она потянула. Кирпич поддался, выскользнул из гнезда с сухим скрежетом.

За ним была пустота.

Анна просунула руку в отверстие, нащупала что-то деревянное, шершавое от пыли. Достала.

Это была шкатулка. Небольшая, размером с книгу в половинную долю листа. Из тёмного дерева – возможно, ореха, – с потускневшей бронзовой накладкой на крышке. На накладке была изображала буква «Л.».

Анна села на пол, положила шкатулку на колени. Руки дрожали. Не от страха – от предчувствия. Она занималась реставрацией десять лет и ни разу не находила ничего подобного. Максимум – газету 1960-х за шкафом или советскую монету в щели.

Замок был сломан. Крышка открылась с жалобным скрипом.

Внутри лежали письма.

Стопка, перевязанная выцветшей шёлковой лентой, которая рассыпалась в прах, едва Анна к ней прикоснулась. Бумага была плотной, но пожелтевшей, с коричневыми пятнами по краям. Чернила выцвели до рыжеватого оттенка, но буквы ещё читались.

Анна развернула верхнее письмо. Почерк – каллиграфический, с нажимом, как писали в гимназиях до революции.

«Моей ненаглядной Любви Васильевне от её верного Андрея».

Она не стала читать дальше. Почему-то ей показалось, что это не её. Что эти строки принадлежат только тому, кто их написал, и той, кто ждала.

Она осторожно положила письма обратно в шкатулку, закрыла крышку и вышла из комнаты. Внизу уже слышались голоса – Лёня приехал, переругивался со Степановым из-за парковки.

– Лёнь, – сказала Анна, спускаясь. – На втором этаже, в дальней комнате, есть заложенный кирпичом проём. Я его вскрыла. Не трогайте пока, я разберусь сама.

– Что там? – спросил Лёня, вытирая руки ветошью.

– Письма.

– Какие письма?

– Старые. Дореволюционные. Я... я не знаю, что с ними делать. По закону находка принадлежит собственнику здания. Но...

Она замолчала, понимая, что не может объяснить. Что она чувствует. Что эти письма – не просто исторический артефакт. Что в них есть что-то такое, от чего у неё сейчас сжимается горло.

– Вызови хозяина, – посоветовал Лёня. – Пусть решает. Не твоё это – чужие тайны ворошить.

– Ты прав, – кивнула Анна. – Не моё.

Она достала телефон и набрала номер, указанный в контракте. Трубку взяли после второго гудка.

– Бережной.

– Анна Соколова. У нас... находка. В стене на втором этаже. Шкатулка с письмами. Старыми. Вы должны это увидеть.

Пауза. Анна слышала его дыхание – ровное, спокойное. Она представила, как он сидит в своём офисе, в кресле с высокой спинкой, смотрит на монитор, хмурясь той своей привычной морщиной.

– Я буду через сорок минут, – сказал он и отключился.

Анна спрятала телефон и посмотрела на шкатулку. Та лежала у неё на коленях, тёмная, молчаливая, хранящая чужую боль, чужую надежду, чужую любовь.

– Кто же вы, Андрей? – прошептала она. – И дождалась ли вас Любовь Васильевна?

Шкатулка не ответила. Только бронзовая буква «Л.» тускло блеснула в утреннем свете.

Глава 4. Тот, кто ждал

Максим Бережной приехал через тридцать пять минут, а не через сорок. Анна заметила это – как и то, что он был один, без финансового директора, без стажёра. В джинсах, в свитере тёмно-синего цвета, без обычной своей брони в виде делового костюма. Он выглядел моложе. И менее неприступным.

– Где? – спросил он с порога.

Анна молча указала на шкатулку, которую поставила на подоконник в холле. Она не решилась оставлять её на втором этаже, где работали подсобники.

Максим подошёл, но не взял шкатулку. Посмотрел на неё так, будто она могла взорваться.

– Вы открывали?

– Да. Внутри письма. Я прочитала только адресата на первом – «Любови Васильевне». Остальное не стала. Это не моё.

Он наконец взял шкатулку в руки. Держал её бережно, как держат что-то хрупкое и ценное, хотя дерево было крепким, а письма пролежали в стене больше ста лет и могли подождать ещё немного.

– Любови Васильевне, – повторил он. – Странно.

– Что?

– Я наводил справки об этом доме, когда оформлял документы. Архитектор, который его построил, был Андрей Ковалевский. Молодой, талантливый, из обедневшей дворянской семьи. Он строил дом для своей невесты. Но потом началась война, его призвали, и... – Максим помолчал. – В официальных документах он числится пропавшим без вести в 1920 году.

– А невеста?

– Невесту звали Любовь Щербинина. Она ждала его до конца жизни. Замуж не вышла. Умерла в этом доме в 1963 году. Одна.

Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине. Сорок три года. Женщина ждала сорок три года. Дождалась ли она хоть одного письма? Или её Андрей исчез навсегда, оставив только дом, который он для неё построил?

– Вы знаете, почему я купил этот дом? – спросил Максим, не глядя на неё.

– Для фонда. Культурный центр.

– Это официальная версия. На самом деле... мой дед был из этих мест. Он родился в 1922 году, его мать – Щербинина. Я не знал. Узнал случайно, когда юрист проверял документы на здание. Оказалось, что дом принадлежал семье моей бабушки. А та самая Любовь Васильевна, которая ждала архитектора, была её тёткой.

Анна молчала. Она не ожидала этого. Дом, который она реставрировала, вдруг перестал быть просто объектом культурного наследия. Он стал чьей-то памятью. Чьей-то болью. Чьей-то любовью, которая не закончилась даже через сто лет.

– Прочитайте письма, – сказала Анна тихо. – Они ваши.

Максим посмотрел на неё. В его взгляде не было обычной жёсткости. Только усталость и что-то ещё, что Анна не могла определить.

– Прочитайте вы, – сказал он. – Вы нашли. И вы... вы понимаете в таких вещах.

– В каких?

– В том, что важно сохранить.

Он протянул ей шкатулку. Анна взяла её, чувствуя, как пальцы едва заметно дрожат. Она села на подоконник, осторожно сняла крышку, достала первое письмо.

– Их шесть, – сказала она, перебирая листы. – Шесть писем. Два датированы 1918-м, три – 1919-м. Последнее – октябрь 1920 года.

– Читайте первое, – попросил Максим. Он стоял напротив, прислонившись плечом к косяку двери, и слушал.

Анна развернула лист. Почерк был уверенным, с красивыми росчерками – рука человека, привыкшего к чертёжному перу.

«24 мая 1918 года. Дорогая Люба.

Сегодня залили фундамент. Я стоял и смотрел, как бетон застывает, и думал о том, что это, наверное, самое главное, что я сделаю в жизни. Не потому, что дом будет большим или красивым. А потому, что он будет твоим. Каждый кирпич, каждое стекло в витраже – всё для тебя. Ты говорила, что хочешь, чтобы в доме было много света. Я сделаю так, что солнце будет заливать гостиную с утра до вечера. Я сделаю так, что даже зимой здесь будет тепло. Я построю тебе дом, в котором мы состаримся вместе. Твой Андрей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.